

БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

Владимир Гурвич

Давно у России не было такого прочного положения в финансовой сфере. Но надолго ли нам хватит накопленного запаса? И что случится в недалеком будущем, если мы своевременно не предпримем необходимые меры? Об этом размышляет директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

Догнали Европу

- Егор Тимурович, все вроде у нас просто замечательно, везде растем, укрепляемся. А вы будете в тревогу. В чем же причина вашего беспокойства?

Егор Гайдар: Когда наша команда пришла к власти, то валютные резервы страны составляли 4 млн 130 тыс. 953 долларов 11 центов. Сейчас, когда они равны \$300 млрд, ситуация более благополучна. Можно подумать, что нашим финансам ничего не угрожает. Это ошибка. Сегодня мы сталкиваемся с вызовом, стоявшим перед Западной Европой в 1950-1973 годах, во многом определившим ключевые финансовые проблемы наиболее развитых стран сегодняшнего мира.

Этот вызов - быстрый рост государственных доходов. Темпы экономического роста в Западной Европе после завершения Второй мировой войны были аномально высокими по историческим нормам. Это позволяло вводить новые налоги с широкой базой. Именно в это время получает распространение налог на добавленную стоимость, появляются аналоги нашего единого социального налога. Темпы роста государственных доходов в реальном исчислении становятся слишком высокими. Во Франции, где раньше всего был введен НДС, в 1950-1973 годах темпы роста реальных доходов бюджета составляли 8,4% в год. На

этом фоне кажется, что можно было реализовать любые расходные программы. Именно в это время принимаются социальные обязательства, которые на протяжении последних двадцати лет обернутся головной болью для правительств западноевропейских стран.

В консервативном XIX веке министр финансов, который предложил бы увеличить государственные расходы и не объяснил, за счет повышения каких налогов он собирается это профинансировать, не имел бы шансов сохранить свой пост. Даже во время беспрецедентного роста доходов 1950-1960 годов это правило действовало. Ситуация изменилась на рубеже 1970-1980 годов, когда возник острый финансовый кризис, связанный с социальными обязательствами, принятыми в период беспрецедентного роста доходов бюджета. Политические обязательства сокращать трудно. Но и профинансировать за счет увеличения налоговых ставок нелегко.

- Вы считаете, что такая опасность может возникнуть и у нас?

Егор Гайдар: Когда в начале 2000 года формировали экономическую программу нового президента, страна выходила из периода постсоциалистической рецессии, усугубленной кризисом Юго-Восточной Азии и дефолтом 1998 года. Всем было по-

нятно, что финансовые ресурсы страны ограничены. Сейчас многие забыли, что в 2000-2001 годах ключевой проблемой считали пик долговых обязательств 2003 года...

На этом фоне возник консенсус по поводу проведения осторожной финансовой политики. Идея, что такая политика - предпосылка обеспечения стабильности политического режима, в то время была доминирующей. В последние годы значительное влияние оказывают три фактора: восстановительный экономический рост, успехи налоговой реформы 2000-2002 годов, затем с 2004 года скачок цен на нефть, значительно увеличивший налоговые поступления. Мы получаем темпы роста налоговых доходов, которых не видела даже Западная Европа в 1950-1970 годах, - примерно 13% в год в реальном исчислении за последние 7 лет.

Министерство финансов сделало все, чтобы на фоне роста доходов удержать текущие расходы бюджета, не допустить их роста темпами, которые бы превышали рост ВВП. Созданный в 2003 году Стабилизационный фонд помог решению этой задачи. Но долго проводить политику сдерживания роста расходов, когда доходы бюджета растут столь быстро, непросто.

Жизнь продолжается и дальше

- Выходит, мы вот-вот сорвемся в финансовый штопор?

Егор Гайдар: Министерство финансов удержит госрасходы на приемлемом уровне на протяжении 2007-2009 годов. Но жизнь не кончается тремя последующими годами. К 2005-2007 годам стало ясно, что запас прочности в проведении консервативной финансовой политики (а в XIX веке важнейшим принципом финансового консерватизма правительства считалось правило не брать обязательств, за которые предстоит платить преемникам) у российского правительства исчерпан.

Конечно, можно принять программу материнского капитала. За нее в течение финансовой трехлетки платить не надо. Но начиная с 2010 года государственные обязательства станут реальными. Можно профинансировать строительство скоростной магистрали Москва - Санкт-Петербург. Расчеты, посвященные цене ее эксплуатации, я не видел. Можно принять двухлетнюю программу создания животноводческих комплексов за счет льготных кредитов (на 8 лет), две трети процентов по которым покрывает государственный бюджет. Кто будет покрывать разницу в ставках в течение оставшихся 6 лет?

- Но без долгосрочных проектов ни одна страна не может обойтись. И в дореволюционной России, и в СССР было немало примеров успешной реализации таких "долгоиграющих" программ. В чем же, по вашему, особенность нынешнего этапа?

Егор Гайдар: Действуют два фактора, серьезные для нашей страны. Первый - это демография, снижение числа работающих, приходящихся на одного пенсионера. На это накладывается низкий пенсионный возраст. Изменять его никто не собирается. Это задает тенденцию снижения коэффициента замещения, т.е. соотношения средней пенсии к средней заработной плате на долгосрочную перспективу. У нас привычный коэффициент замещения составлял примерно 30 - 35%. В 2005 году он был равен 27%. По инерционным прогнозам он снизится до 20% в 2015 и до 16% в 2020 годах.

Сегодня всех волнует соотношение средней пенсии и прожиточного минимума. Это проблема, которую рост ВВП позволяет решать. Но значимость коэффициента замещения в социальной политике - не выдумка чиновников из МОТ. Это реальность. Когда в XIX-XX веках формировались пенсионные системы, в их основе лежало представление о том, что уровень жизни пенсионера должен быть сопоставим с тем, который был для него привычным в трудоспособном возрасте. Изменить подобные установления без социальных катаклизмов мало кому удавалось.

Второе обстоятельство, не менее неприятное. Большая часть доходов нашего бюджета зависит от нефти и газа. Они нестабильны. Прогнозировать их толком никто не умеет. Недавно МВФ понизил прогноз цен на нефть на 2007 год на \$20. В отставку никто не ушел. Все понимают непредсказуемость этого параметра.

У нас от нефти и газа зависит более трети доходов бюджета. По просьбе властей моделировали сценарии развития событий, связанного со снижением нефтяных цен. Пришли к выводу, что до 2009 года накопленные резервы позволяют избежать кризиса, напоминающего 1998 год. Но жизнь не кончается в 2009 году. А нефтяные доходы имеют еще одну неприятную особенность, на которую справедливо обратило внимание Министерство финансов, - при неизменных ценах их доля в ВВП сокращается.

- С чем этот связано?

Егор Гайдар: С рядом факторов. Первый заключается в том, что добыча нефти растет в России заметно медленнее, чем ВВП (на 2% и 6-7% в год).

Второе обстоятельство. По мере экономического роста ВВП, рассчитанный в паритетах покупательной способности, постепенно приближается к ВВП, рассчитанному по текущим курсам валют. Это значит, что доля экспортной выручки в ВВП, пересчитанная в паритетах покупательной способности, сокращается.

Третья причина. В стране растет спрос на энергоносители. Возможности поддерживать долю экспорта на том же уровне, на котором она находится сейчас, сокращаются. В какой степени выпадающие нефтедоллары можно будет заместить внутренними налогами - сказать трудно. Прогнозы того, что нефть и газ кончатся, делались многократно, и нередко они оказывались неточными. Но то, что крупнейшие месторождения вступают в период падающей добычи, -

это реальность, с которой сталкиваются многие страны. Наши власти исходят из того, что добыча нефти будет сокращаться с начала 2020-х годов, а добыча газа стабилизируется с начала 2030-х.

Стабилизационный фонд должен быть равен ВВП

- *Что же, таким образом, у нас получается?*

Егор Гайдар: В долгосрочной перспективе расходные обязательства бюджета, связанные со старением населения, увеличиваются. Доходные источники сокращаются. Это стратегическая финансовая проблема страны. Что делать?

Мы в 2004 году создали Стабилизационный фонд, причем своевременно, накануне скачка цен на нефть. Это инструмент, обеспечивающий финансовую стабильность.

Россия не единственная страна, зависящая от конъюнктуры рынка углеводородов. Норвегия - самая развитая страна мира согласно индексу человеческого развития ООН, оценивающему качество жизни, - находится в сходном положении. Поверить, что власти этой страны на протяжении многих лет проводили безответственную, противоречащую национальным интересам политику, трудно. В России Стабилизационный фонд по состоянию на 1 февраля 2007 года составляет 9,9% ВВП. В Норвегии, где Стабилизационный фонд начал наполняться в 1996 году, его размеры составляют 100% ВВП.

Норвежской политической элите было непросто обеспечить такую финансовую политику. Разговоры о том, что норвежское правительство зря накапливает средства в Стабилизационном фонде, - неотъемлемый элемент экономико-политических дискуссий в Норвегии последнего десятилетия. Тем не менее элита договорилась, что, когда стареющее население, трудности с обеспечением устойчивости пенсионной системы, перспективы снижения доходов от углеводородов - реальность, есть смысл накопить финансовые резервы. Норвежский нефтяной фонд трансформировали в пенсионный фонд, аккумулированные средства направили на то, чтобы решить ключевую проблему двойного платежа при пенсионных реформах.

- *Что это за проблема?*

Егор Гайдар: При переходе к накопительной пенсионной системе одно и то же поколение вынуждено платить дважды. Один раз - за пенсии нынешним пенсионерам, второй - за пенсию которую они будут получать сами. Норвежский пенсионный фонд позволил решить этот вопрос. Средства из нефтяной копилки, равные 100% ВВП, размещены в надежные и ликвидные мировые финансовые активы. Они позволяют получить доходы, равные примерно 4% ВВП. Это сумма, которая нужна для того, чтобы пенсионная система в Норвегии была устойчиво обеспечена ресурсами. Примерно те же 4% ВВП нужны и нам, чтобы сохранить коэффициент замещения на уровне 2005 года.

- *Если мы достигнем этой цели, что за этим должно последовать?*

Егор Гайдар: Первое следствие - трансформация Стабилизационного фонда в фонд будущих поколений, пополнение на этой основе накопительной части пенсионной системы. Она должна распространяться не только на охваченные ею возрастные группы, но и на все население, включая пенсионеров. Речь идет о средствах, которые обеспечивают устойчивость системы на 30-40 лет вперед. Это первая линия обороны.

Никто не может гарантировать, что высокие цены на нефть сохранятся надолго. Увеличить финансовые резервы с нынешних 10% ВВП по меньшей мере до 70% ВВП, для обеспечения устойчивости пенсионной системы, необходимо. Для этого у нас есть ресурс - государственное имущество. Приватизацию в середине 1990 годов в России проводили в условиях экономического кризиса. На этом фоне надеяться выручить в это время за российскую собственность крупные денежные ресурсы было нереально.

Помню историю приватизации Нижневартовскнефтегаза, с убийствами и ОМОНОм. Обсуждался вопрос, сколько могла бы в этих условиях заплатить за эту компанию одна из крупнейших нефтяных компаний мира. Получили ответ - нисколько, мы бы отказались, даже если бы вы нам приплатили. Нам не нужно, чтобы наших менеджеров убивали, их семьи брали в заложники. Сегодня ситуация изменилась, страна финансово стабильна, ее кредитный рейтинг растет. Это изменило представление участников рынка о капитализации российских компаний.

В последнее время были предприняты шаги, направленные на увеличение доли государства в экономике. Сказать, что они помогли ее развитию, трудно. Задолженность предприятий нефтегазового сектора, находящихся в государственной собственности, примерно в 20 раз превосходит задолженность по внешним обязательствам частных компаний. Привести аргументы в пользу того, что государственная собственность - гарантия роста производства, финансовой устойчивости, трудно. Тем не менее на фоне динамичного экономического роста государственная собственность стала привлекательной. По существующим оценкам, только стоимость акций государственных компаний, котирующихся на рынке, составляет примерно 35% ВВП. Эти деньги пригодятся для обеспечения устойчивой пенсионной системы.

- *Итак что в итоге вы предлагаете?*

Егор Гайдар: Первое - трансформировать Стабилизационный фонд сверх лимита средств, который уже накоплен, в Фонд будущих поколений; направить его на капитализацию накопительной части пенсионной системы, распространив ее на все население. Второе - для тех же целей использовать доходы от медленной, неспешной, ориентированной на наилучшую конъюнктуру приватизации государственных активов.